

Это был уже не тот Олег — веселый, беспечный, любивший и песню спеть и потанцевать. Нет, теперь передо мной стоял серьезный, немного грустный юноша, уже познавший народное горе. Я видела, как он не находил себе места. Подолгу задумывался, разговаривал сам с собой.

Помню, как-то поздно вечером долго сидел он в углу дивана, подперев рукой подбородок, глядя куда-то далеко-далеко.

— Ты только, мама, подумай: нас, советскую молодежь, растили и вели к светлому будущему. Все двери в науку для нас были открыты. Учись, путешествуй, работай! Все для нас и ради нас. Понимаешь? И мы не знали ни капиталистов, ни помещиков вроде бабусиноного Кочубея, ни бедствий гражданской войны...

Вдруг он резко поднялся, начал быстро шагать по комнате, потом встал против меня.

— И вот, мама, я думаю сейчас о той нашей молодежи, ну, о тех наших ребятах там, где уже немцы. Какая же у них, наверное, буря в душе! Школы закрыты, книги сжигаются. Иди в кабалу, в рабство, в темноту! Ну, нет! Не удастся это тупоумным бандитам! Устоят наши! Не встанут на колени, никогда, ни за что! Лучше умереть стоя, чем жить на коленях. Правда, мама?

Через несколько дней Олег пошел в школу. Буднично и равнодушно прошел первый день занятий. Не было прежнего увлечения занятиями, не было радости.

Но скоро на свет опять появился «Крокодил». Только теперь от веселости его не осталось и следа. Нарисованный в аккуратном, в каком-то подтянутом виде, «Крокодил» выметал метлой из школы тех, кто в тяжелое для Родины время ленился, прогуливал, не учил уроков.

После школы Олег с ребятами спешил в краснодонский госпиталь: читал раненым книги, газеты, для тяжелораненых писал письма родным и знакомым.